

Мы не забыли повесть «В окопах Сталинграда» и ее талантливый автор. Какая это была умная, тонкая, правдивая книга, какой беспокойный романтический пафос жил в ее будничных фронтовых сценах, какая большая правда звучала с ее страниц! Пусть взятая в малом ракурсе, пусть увиденная всего лишь в масштабе батальонных окопов, — но это была подлинная правда жизни и борьбы.

Первая книга Виктора Некрасова по праву вошла в число лучших произведений о Великой Отечественной войне, запомнилась, полюбилась.

И вот пред нами его вторая повесть — «В родном городе», появившаяся через восемь лет после первой.

Она хорошо написана. Ее ясный, простой, точный и сжатый язык влечет, подкупает своей силой. Хороша ее образность, зрелым стало образное и сюжетное мастерство писателя.

Ее действие развивается в последний период войны и в первые послевоенные годы, когда в невиданном напряжении всех своих сил наша страна добилась врага, сократила его твердыни и сделала первые шаги для восстановления мирной жизни.

Подобно полковнику Воропаеву, герою известного павленковского романа, герой повести В. Некрасова — Николай Митясов «недовоювал». Вражеская пуля перебила ему руку в Люблине, и он, отважный командир-разведчик, вернулся в родной город для длительного лечения в госпитале.

Личные беды и душевные неустойчивости со всех сторон сразу окружают Николая. За годы отсутствия Митясова его молодая жена, которую он так любил, связала свою судьбу с другим человеком. Слишком велико, повидимому, было ее одиночество, слишком бедна и горестна была ее жизнь под ярмом фашистской оккупации, — она сразу отдала свою женскую нежность и заботу молодому раненому советскому командиру — первому человеку, на фуражке которого она после долгих месяцев немецкого владычества увидела родную пятиконечную звезду.

Своей повестью В. Некрасов вступает в яростную полемику со всеми псевдопатристическими «украшателями» жизни и ханжествующими «утешителями». Ему глубоко враждебны лжецы от искусства, изображающие жизнь вне трудностей и противоречий. Есть много верного в том, как показал писатель горе, ревность, одиночество своего большого героя, не нашедшего в родном городе всего того, на что он имел моральное право, на что надеялся сердцем своим.

Да, прав Некрасов, — немало было у нас в те годы трудного, тяжелого. Велики были потери и утраты, кровоточили душевные раны. Суров был наш быт, велики материальные трудности. Их не мог миновать Николай, ушедший на войну почти со школьной скамьи, а вернувшийся с нее, ничего толком не зная и не умея в «гражданской» жизни.

С новыми людьми сталкивает Николая эта новая его жизнь в родном городе. Вот Сергей — бывший военный летчик, потерявший ногу в боях на Курской дуге и ставший агентом по сбыту таночек, которые изготавляет сомнительная кустарная артель. У Сергея водятся крупные деньги, он браврирует своим циническим равнодушием, он любит выпить и погулять. «Инвалид второй группы», — иронически говорит он о себе. — «Отличная профессия». И в то же время это хороший человек, по-своему прямой, великодушный, душевно щедрый. В нем сильны фронтовая закалка, дух боевого товарищества и взаимной выручки. Пусть в тыловой обстановке мирного города это выражается у него в некрупных делах и поступках, — и в них угадывается его прямая, смелая душа.

Вот прекрасная женщина, библиотекаря Анна Пантелеймоновна Острогорская, чуткий, умный человек, бережно относящийся к трудной судьбе Николая. Вот ее дочь Валя, бывший сержант-зенитчик, а ныне преподавательница английского языка. С ней у одинокого, страдающего Николая возникают сложные, невысказанные отношения.

Но не удовлетворяет Николая и близость с этими людьми. Ему трудно найти себя, свое новое место в жизни. «Разведчик в отставке. Квартирант на продавленном диване», — так он характеризует самого себя в припаде самоуничижительной насмешки. «Он хочет сейчас только одного — назад, туда, где самые близкие для него люди: Тимошка, Кадочкин, веселье его разведки». И это желание активно поддерживает в своем герое автор. Почти все, что видит в родном городе Николай, — плохо, уныло, до боли прозаично. Со всех сторон — равнодушие, грязь, бедность, убогий быт. Вот Николая, подличившего руку, послали на работу в жилищное управление. Но вокруг он видит одно жулье — ему, демобилизованному фронтовику, нелегко прописаться, злая администрация не дает какую-то необходимую форму. И сама работа в жилищном управлении кажется ему отвратной в своей будничности и прозой. «Не окоп, нет — колденотий стол с ящиками, с бумагами, шкафом, набитый панками, протоколами обедов...»

Николай бросает работу. Снова не ладится и его личная жизнь. После откровенного разговора с Анной Пантелеймоновной он понимает, что не имеет права на любовь Вали, что он должен наладить свою жизнь с Шурой, своей законной женой, причинившей ему такую боль, но как будто попрежнему дорогой и близкой. Запавшая с полковой тряпкой в руке и ржавым ножом, которым она отскребала грязь, предстает перед ним Шура в трагическую и радостную минуту возвращения.

Видением будущего счастья завершается первая часть повести.

Она сразу будит много вопросов, недоумений, споров читателя с автором. В чересполосице материальных и душевных горестей, которые испытывали люди в ходе войны и вскоре после ее окончания, Виктор Некрасов и впрямь подглядел много верного. Он правдиво изобразил многие существенные жизненные конфликты, он заставил нас задуматься о том, о чем другие рассказывать робели, а может быть, и просто не хотели — зачем портить настроение себе и людям? В этом своем стремлении к истине Виктор Некрасов прав.

О повести Виктора Некрасова «В родном городе»

Но, странное дело, — постепенно все более сгущаются краски повести, все более однобокой становится ее полемическая заостренность, сперва казавшаяся верной, здоровой, но быстро начавшая превращаться в свою противоположность: быт с его душевными трудностями и будничными бедами заслоняет Николаю весь мир. Единственно прекрасными стали теперь воспоминания о прошлом. Почему же видение руин и фронтовых землянок Сталинграда заслоняет для Николая красоту нового дня? Почему романтика для него только позади, а не впереди? И почему автор ни в чем здесь не поправляет героя? Почему он старательно отходит в сторону именно тогда, когда так нужен читателю его ясный, волевой голос?

Да, домуправна — мелкая душа и скверный человек, а начальник жилищного управления Кочкин и впрямь жулик и склочник. Но ведь и хорошие по замыслу автора люди — Сергей, Анна Пантелеймоновна, супруги-художники — Белочка и Муля Блейбаны, шофер Яша, принимавший такое горячее участие в судьбе Николая, врачи, товарищи по госпиталю — даже не сумели выручить Николая. Почему их искренние усилия никому не помогли, ничем не заполнили ту душевную пустоту, которая так щемяще звенит в душе Николая? Может быть, потому, что они и сами люди не очень интересные, мелковатые, неокрыленные? Нет за ними ощущения большой нашей страны, ее крутого подъема, ее славных дел.

Помните, у поэта М. Луконина: «лучше придти с пустым рукавом, чем с пустой душой». Как верно, точно, хорошо сказано! Боюсь, что это в значительной мере относится к Николаю. Автор рекомендует нам его коммунистом, стойким фронтовиком, честным малым. Но эти рекомендации абстрактны, а факты его живой жизни убеждают скорее в том, что Николай не только не хочет найти свое «место в строю», но как бы нарочито отстраняется от активного участия в большой жизни.

«Мы, может быть, попросту дети жизненной тревоги», — сказал когда-то о мятущихся героях «Волшебной горы» Томас Манн. В этой печальной формуле великого немецкого реалиста была своя социальная правда и закономерность. Но ведь в повести В. Некрасова речь идет не о потерянном поколении Запада, а о наших людях, о солдатах великой войны и тружениках героического тыла. Иные закономерности, иные обстоятельства истории формируют их души.

«На фронте Николай узнал народ. Узнал и оценил», — говорит автор. Но почему же тогда эта близость с народом прервалась ныне? Почему так тоскует, почему не может найти себе места Николай в послевоенной действительности? Почему так беден и неинтересен его внутренний мир? Вспомним еще раз Воропаева. Ему было и одиноко, и тяжело, и трудно, пожалуй, не менее, чем Митясову, но он, преодолевая физическую и душевную боль, шел в атаку на трудности. В созидании, в народной борьбе он обретал свое счастье. Тяжко было Степану Бортникову, — он, мучаясь, страстно боролся за семью, за счастье, за судьбу родного колхоза. Николай — человек иного склада. Он не очень умест, а часто и не очень хочет бороться с трудностями. Разумеется, это не упрек его создателю. На свете бывают Воропаевы, бывают Бортниковы, бывают и Митясовы. Литература призвана изображать и тех, и других. Но ведь не в одной регистрации существующих в обществе явлений заключается призвание художника. Изображая, он утверждает и отрицает.

В. Некрасов вызвал в нас сочувствие к бедам и неустойчивам Николая. Но когда встал вопрос о том, как их одолеть, автор отошел в сторону. Да и вообще нет в повести больших, ярких, волевых людей, способных дать решительный бой трудностям и бедам, повести вперед. А без таких людей жизнь в повести получается поневоле обедненной. Автор как бы говорит в подтексте повести: вот бывают и такие судьбы и такие жизненные ситуации. Не будем спорить, — конечно, бывают. Но что же дальше?

А дальше наступает самое странное. Николай вернулся к Шуре, и началась их вторая семейная жизнь. Все постепенно встает на свое место. Николай нашел себе работу, которая ему больше по душе, чем жилищное управление, — теперь он преподаватель физкультуры в школе. Трудится Шура, — в качестве чертячихи она помогает восстанавливать промышленность. «Самое необходимое в жизни человека, без чего ее никак нельзя назвать счастливой, — это мир и благополучие в семье и удельное участие в работе». Так говорит один из второстепенных героев повести — Валерьян Сергеевич.

Но эта формула по отношению к Николаю Митясову становится формулой иронической. И хотя «кривая жизнь ползла вверх», хотя жизнь «тепла мирно и тихо», — герои повести не понимают друг друга. Их сосредоточенное молчание, которое можно принять сперва за лирическую «песню без слов», — всего лишь условная форма «невмешательства» во внутренний мир друг друга.

Проза обыденщины, все более внутренней пустующая жизнь с Шурой и, наконец, окончательный разрыв с ней, бегство из дома, безрезультатная попытка вновь привлечь сердце Вали...

Право, все эти мучительные душевные передряги Николая Митясова становятся все более случайными, произвольными, не вызванными логикой развития образа. Если в первой части повести его внутренние борения были еще как-то понятны и оправданы, то здесь они становятся однообразно повторяющимися, малоубедительными, неважделными. В значительности их неважделности. В значительности переживаний Шуры, когда разладилась ее семья. На место Николая очень скоро встает здесь Сергей, и автор намекает, что, может быть, тут и найдет героя свое подлинное счастье...

Но почему же получается так, что ни в любви, ни в расставаниях героев повести нет ни внутренней поэзии, ни романтики молодости, ни подлинной трагедийности, почему все так подчеркнуто буднично?

Повесть «В родном городе» вполне сознательно и даже полемически заострена автором против «розового» изображения жизни. Это хорошо. Но, к сожалению, одновременно она своей тональностью направлена и против всякой романтики и героики. Будни тыла однотонны, скучны, — эта мысль проходит в качестве главной мелодии мироощущения Николая Митясова, в общем довольно покорно и безвольно плывущего по течению своей неведомой жизни.

Новая эра в жизни Николая — вуз. Трудно дается ему учеба, трудно складываются его отношения с товарищами, с вузовской администрацией, с партийной организацией. Но, наконец, и Митясову представляется случай расправить плечи, совершить поступок, если и не безупречный с точки зрения книжной морали, то во всяком случае свидетельствующий о его благородных устремлениях. Жизнь столкнула Митясова с деканом факультета Чекменем. Чекмень готов подозреть и преследовать любого советского человека, побывавшего в оккупации, он грозит выгнать с работы заслуженного преподавателя Никольцева. Зло и точно изобразил писатель бездушного фарисея, строящего свою карьеру на страданиях честных людей. Но, вступая в борьбу с Чекменем, Николай не находит доводов разума. Мысль ему заменяет порыв. В пылу спора с Чекменем Николай ударил его. Дело подскочит партийному разбирательству. Бюро, большинство в котором составляют чинуши и перестраховщики, предлагает исключить Митясова из рядов партии. Тут, наконец, обычно молчаливый Николай заговорил в полный голос. Ход событий обернулся теперь уже не против него, а против Чекменя. Симпатии студенческого партсобрания начинают перевешивать в пользу Николая. Дело не завершено, но уже ясен его дальнейший ход. Правда восторжествует — в этом нет сомнения.

Николай победил в схватке со злом, на которую он так неожиданно решился. Здесь, на короткий момент, он овладевает нашими симпатиями. Приходит к нему теперь и любовь Вали, — под ночной луной деревьев в Ботаническом парке, где так давно — уже почти семь месяцев назад — рождалось их робкое чувство.

На этом и завершается повесть Виктора Некрасова.

Нет спору — автор попытался развить действие в верном направлении. В конце повести он хотел показать, как в растерянном, выбитом, было, из жизни Николая Митясова все-таки взяло верх активное, волевое начало. Но заключительные сцены повести живут сами по себе, а образ Митясова и его смятенная душа — сами по себе. Горести и беды героя сильно перевешивают в художественном итоге произведения. Перелом же во внутренней жизни героя очень слабо подкреплен предшествующим развитием его характера. Удивляясь общественной трусости одного из своих новых товарищей — коммуниста Хохрякова и его нежеланию бороться против зла, — Николай Митясов размышляет про себя: «Хороший как будто парень, а вот ведь как скрутило, к земле прижало. И тут же подумал: а тебя не прижало? А? Вспомни-ка прошлый год, позавтрачал. Вспомни госпиталь, шестнадцатую квартиру с вечерними чаями, разговорами... Может, потому и ушел оттуда, что почувствовал приближение этого самого? Может, потому и тянуло на фронт? А может, и сама эта тоска по фронту была тем же прижиманием к земле?»

В этом самокритическом размышлении героя много верного, — в особенности, понимание Николаем никчемности своей недавней жизни. Но нет здесь ответа на то, как и почему произошло это приземление. Даже и попыток найти объяснение линии жизни Николая Митясова Виктор Некрасов не сделал. Герой весь состоит из смутных, едва уловимых импульсов, определяющих его поступки. В Николае оказалось слишком много туманных порывов, перед объяснением которых читатель встает в тупик.

А Шура, его жена, колеблемая, как былинка, и «прислоняющаяся» то к Николаю, то к Федору, то к Сергею, — чем объясняется безволие ее характера, столь непостоянного, столь несамостоятельного? Шура отдается потоку жизни с такой фаталистической пассивностью, что это временами кажется даже не совсем правдоподобным. Неужто и у Шуры не было даже внутренних возражений против поворотов ее собственной судьбы? А Сергей, с его внешней активностью, разве и он не так же слепо подчинен стихии жизненного процесса, никем, в сущности, не управляемого? Трудные, смятенные судьбы...

В повести В. Некрасова разлитое удивление художника пред сложностью и неожиданностью крутых поворотов жизни, которая, стихийно несясь вперед, то ласково, то сурово обходит с людьми. Но может ли одно это меланхолическое удивление быть плодотворным для художника?

Борясь с плоским морализированием и лакировкой жизни, нужно ли писателю отказываться от постижения ее объективных общественных законов, постижения активного творческого начала в людях?

Жизнь, конечно, безгранично интересна и поучительна не только в своих взлетах, но даже и в самых своих отрицательных и тевных проявлениях. Но, фиксируя ее сложность, писатель не может не задумываться над ходом истории общества в целом. Горестные, трудные судьбы героев, если они заинтересовали художника, должны быть не только прослежены в своем процессе, но и истолкованы, не только описаны, но и объяснены. Иначе писателя подстерегает опасность натурализма, хотя, право же, очень не хочется произносить это резкое слово по отношению к В. Некрасову и его повести.

Тревожно думается о судьбе, о развитии большого и яркого таланта Виктора Некрасова. Его своеобразный и интересный путь может быть и должен быть более широк, более ясен и плодотворен.